

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

© 1996 г., ЭО, № 1

ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРАВЛЕНИЯ РУССКОГО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА И. В. АРТЕМОВЫМ *

В. Филиппов. Игорь Владимирович! РОНС не принадлежит к числу широко известных в стране политических структур. Поэтому, если вы не возражаете, предварим нашу беседу самым кратким рассказом о вас и о вашем «Союзе».

И. Артемов. Родился я в Средней Азии, в Ашхабаде. Прожил там 23 года, там же окончил университет. В Москву приехал в аспирантуру, в Институт востоковедения, защитился. Сразу после этого мы, группа аспирантов и молодых кандидатов, создали научный центр, из которого и вырос РОНС.

Помнится, мы восстанавливали церковь Троицы в Коньково. После работы начинались разговоры о том, что в жизни хорошо, что плохо. Уже тогда пришло понимание того, что существующий интеллектуальный потенциал патриотического движения невелик и его идеология строится в основном на отрицании. Мы же старались найти нечто позитивное, а также лидеров в той среде, которая тогда была авторитетной, — среда писателей, среда русской творческой интеллигенции. Но в этой среде не было организационного начала. Поэтому мы решили собрать своих единомышленников. В основном это молодые люди в разных городах России. Постепенно пришли к РОНСу. Идея создать «Союз» возникла в 1990 г., фактически же он начал функционировать с 1992 г. Сегодня формально существуют уже более 50 отделений, из них нормально работают полтора десятка. Депутаты наши в основном городского и областного уровня.

В. Ф. Ваши симпатии и антипатии в русском патриотическом движении?

И. А. Конечно, большего доверия заслуживают те, кто начал в 1990—1992 гг. или еще раньше. В моральном плане, психологически Распутин и Шафаревич мне несравненно ближе, авторитетнее, и приятнее, чем, например, Жириновский и политики такого типа. А в организационном плане все существующие сейчас политические структуры — это осколки коммунистической системы. Поэтому очень сложно на этом политическом поле говорить о серьезных симпатиях. Лидеры некоторых организаций говорят то же, что и мы, но я точно знаю, что они так не думают. А говорят то же самое, потому что это выгодно сейчас говорить. У нас сегодня нет национальной оппозиции. Есть коммунистический или социалистический спектр, есть центристы-прагматики и есть либералы-западники. Национальные идеи — это пока еще некоторый фон, и он «пробивается» и у демократов, и у центристов, и у коммунистов.

Коммунисты, например, постоянно рефлексируют на тему: «Мы тоже русские». Мы, как говорят они, за русский народ, но в то же время мы — за социализм. На самом деле достаточно просто сказать: «Мы — за русский народ», — а что за система будет — капитализм или социализм — это уже неважно.

В основе любой политики лежат два главных фактора: территория и население. С территорией более или менее понятно: ее нужно защищать. А вот ради

* Интервью с политическими лидерами взяты В. Р. Филипповым и Е. И. Филипповой — сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН.

чего строится социальная система, ради какого населения, ради каких людей? Начинать всегда с этого нужно, нужно внимательно смотреть, что здесь приживется, а что нет.

Мы, наверное, идеалисты в политике. Мы понимаем необходимость добиваться каких-то сиюминутных целей и будем по мере возможности это делать. И в выборах будем участвовать, но при этом для нас неприемлемы принципиальные компромиссы. Нам часто говорят: «Такие, как вы, идеалисты, успеха не добиваются». Да, где-нибудь в Америке, действительно, не добиваются. А в России не случайно национальный герой — Иванушка-дурачок.

Заниматься политикой в общемировом масштабе для нас неинтересно. Если России уготована судьба Германии или Америки, то нужно бросать политику и заниматься наукой или торговлей, или, наконец, просто детей растить. Нет смысла пытаться что-то изменить там, где результат заранее запрограммирован, как в компьютере. Если же в России все-таки самобытное начало будет восстанавливаться, то это непременно проявится и в самобытных политических формах. Значит, будут какие-то свои правила игры. Вот их-то подготовить, создать для них поле — это задача интересна. Ведь скучно будет жить с русским человеком, который будет похож на современного европейца, тем более азиата.

Силы, которые не хотят допустить возрождения России, сегодня просто вынуждены выступать под национальными лозунгами. Сегодня «любое» отрицание национальных идей не проходит, как прежде, поэтому все стремятся возглавить патриотическое движение. Различные патриотические группы и группировки создали идеологию, которая несколько лет отработывалась, слабые ее положения отпадали, более жизнеспособные остались. В конечном итоге где-то к 1993—1994 гг. основные принципы национально-патриотического возрождения были четко сформулированы. После чего людям, которые «на другой стороне» в аналитических центрах все это изучали, осталось только их прочитать и выучить, а главное — научиться эти лозунги произносить вслух. Сейчас, кажется, научились, наконец, произносить слово «русский» (а не «российский»). Скоро, наверное, научатся произносить и такие слова, как «держава» или «империя».

В. Ф. Ключевой вопрос всей этнополитики — национальная государственность или же переход к административному делению?

И. А. Безусловно, административно-территориальное деление и никакой государственности по этническому признаку. Второй важный тезис: мы за то, чтобы в будущей России были объединены в основном цивилизационно близкие народы. Если у народов схожие традиции, вера, история, этнопсихология, культура, тогда можно говорить о цивилизационном родстве. Можно, например, считать цивилизационно родственными русских и поволжских угро-финнов; можно говорить о полном сходстве с белорусами и украинцами за вычетом разве что небольших групп в Галиции. И можно говорить о полном несходстве с Кавказом и Средней Азией. Мы еще накануне референдума 1991 г. сформулировали положение, что страна должна сохраняться в основном в границах России, Украины, Белоруссии и северо-казахстанских территорий плюс, возможно, Абхазия, Юго-Восточная Эстония и т. д. Закавказье и Средняя Азия должны быть сферой влияния России. Там у нас могут быть экономические интересы, военное присутствие необходимо, но политически они должны быть отделены, должны быть настоящая полноценная граница и визовый режим. Одновременно, кстати, нужно смягчить или вообще отменить визовый режим с Сербией, Болгарией, Польшей, ужесточив его с азиатскими государствами.

В. Ф. В этом контексте, получив доступ к государственной власти, с чего бы вы начали реформирование России?

И. А. На мой взгляд, начинать надо с Грозного и Казани. То, что сейчас делается в Грозном, делается абсолютно неправильно. Убежден в том, что если северная часть Чечни — до Терека — должна оставаться в составе России, то остальную территорию нужно отделить. В этом случае и границу будет легче контролировать. То же самое нужно сделать и с Дагестаном.

Что касается остальных, то известно, что все национальные республики экономически нежизнеспособны. Поэтому механизмы воздействия на них есть. При этом не нужно даже отменять все эти Декларации о суверенитете, пусть все остается по-прежнему. Просто между субъектами Федерации должно быть абсолютное равенство в том, что касается налогов, отчислений в федеральный бюджет и т. д. Нельзя сохранять такое положение, когда, скажем, Ингушетия не только никаких налогов не платит, но еще и объявляет о создании там свободной экономической зоны. Если есть потребность сохранить свою национально-культурную самобытность, пожалуйста, никто не протестует, но о государственно-политической самостоятельности речь идти не должна. Хотя немедленно ликвидировать все эти национально-государственные образования было бы ошибкой. Если будет последовательно осуществляться реальное равенство субъектов Федерации без каких-либо льгот или привилегий, то они сами постепенно отомрут. По мере развития рыночной экономики будут естественно возникать крупные экономические зоны, которые поглотят ныне существующие государственно-административные единицы.

В. Ф. Происходит явное выдавливание «нетитульного» населения из престижных социальных ниш в национальных республиках, так называемая «коренизация» государственного аппарата. Как можно этому противостоять?

И. А. Выдавливание будет всегда. Это естественная для рыночной экономики конкуренция. Русским нужно привить способность к сопротивлению. Административно здесь не сможешь. Этот процесс должен дойти до логического конца. Пусть выдавливают. В конце концов выделятся самые стойкие и крепкие. Сейчас много говорят о необходимости помощи русским общинам в бывших республиках. Но, во-первых, большинство этих общин — фикция, они представляют интересы небольших групп людей. По своей родине Туркмении знаю: самые активные и предприимчивые русские — уже давно в России. Остались либо ленивые, либо приспособившиеся. Русское население между собой не сплочено. Тяжело, конечно, психологически принять происходящие процессы, но, как это ни жестоко, они должны идти и дальше. Посмотрите: русских притесняют, бьют, и все равно, например, в Якутии три русских общины никак между собой не договорятся. Пока не придут к необходимости объединения всех русских сил, до тех пор положение не изменится.

Сегодня русским брошен вызов: смогут ли они выжить или погибнут? В этой ситуации российское правительство должно было бы отреагировать на это. Я, например, считаю необходимой разработку специальных образовательных программ для молодежи. Искать талантливых молодых людей и принимать их в российские вузы или организовывать обучение на месте, но с постоянным контролем за качеством.

В. Ф. Как вы предполагаете воспроизводить «русскость»? Какие ценности вы могли бы маркировать как истинно русские?

И. А. Воспитание ребенка идет прежде всего путем подражания и в первую очередь в семье. Что же касается ценностей, то одна из основных — это язык. Кроме того, на мой взгляд, важно, чтобы ребенок с детства читал больше книг по русской истории, чтобы он жил в мире этой истории, чтобы ему становились дороги образы Ильи Муромца или Евпатия Коловрата. Важно, чтобы все это окружало ребенка с самых ранних лет и исподволь, а не «в лоб» формировало его представление о добре и зле. На это же должен «работать» и пример родителей. Если между отцом и матерью христианские отношения, то ребенок впитает этот дух и свою жизнь впоследствии будет строить по тем же принципам. Огромную роль в становлении мировоззрения играет церковь с ее размеренностью, устремленностью в небо, иерархией, уважением к главе семьи и т. п.

В. Ф. В этой связи, как вы думаете, должно ли православие быть государственной религией в России?

И. А. Думаю, официального статуса не нужно. Нужна максимальная свобода. Истинная вера сама установится. Необходимо защищать людей от всевозможных

сект, носящих псевдодуховный характер, ограничивать деятельность инославных конфессий, а процесс воцерковления пойдет естественным путем. Этому будет способствовать и то, что в ближайшие 5—10 лет произойдет смена церковных иерархов, придут молодые, и некоторый дух консерватизма и косности, присутствующий сегодня, уйдет сам собой. Я за церковь не опасаюсь. Помощь государства, конечно, нужна. Нужно, чтобы книги выходили, чтобы учебных заведений было больше, нужно введение Закона божьего в младших классах на факультативной основе. Государство в большом долгу перед церковью: сколько разрушено храмов, разграблено имущества. Поэтому оно должно как минимум создать благожелательное поле для деятельности церкви.

В. Ф. Какой язык должен быть государственным в России?

И. А. Государственный статус должен быть у одного языка и по всей стране. А каждая республика вправе вводить у себя законы о том, что национально-культурная жизнь осуществляется на местном языке. Сфера применения национальных языков должна быть ограничена. Государственное делопроизводство должно вестись на государственном языке, чтобы не возникало недоразумений. Русский язык должен быть обязательным для всех.

Что же касается государств СНГ, то я считаю, напротив, необходимым ограничить там сферу применения русского языка. Если мы будем говорить о том, что исламский мир нам враждебен, а это так, то не следует давать им в руки наши знания и тот канал, с помощью которого они их получают: русский язык и русскую систему образования. Я бы ограничил также прием студентов в аспирантуру из этих стран, за исключением русских.

Русская община Северного Казахстана, например, так велика, что мы могли бы каждый год по 100—200 тыс. человек оттуда принимать. Это могло бы стать своеобразным мостиком: молодые люди приезжают в Россию на учебу, по окончании они могут устроиться здесь работать, найти жилье, а после этого перевезти своих родителей и т. п. Таким образом, это была бы одна из форм помощи русским в бывших республиках. В это надо вложить государственные деньги, чтобы были общежития, стипендии и все, что необходимо.

Е. Филиппова. Коль скоро мы затронули эту тему, скажите, пожалуйста, как, по-вашему, должна вообще решаться проблема русских, оставшихся за пределами России?

И. А. Тут есть два варианта развития событий. Большая часть, конечно, вернется в Россию. Какая-то часть полностью маргинализируется и смешается с местным населением. Ту же небольшую часть, которая сможет создать замкнутые общины, самостоятельные в экономическом и культурном отношениях, нужно активно поддерживать как «пятую колонну». Но здесь в каждом конкретном случае нужно тщательно проверять, действительно ли это эффективная структура, способная защищать права русских, поддерживать и развивать культуру или же просто имеет место попытка получить деньги для решения каких-то личных материальных проблем.

Е. Ф. Каким образом, через какие каналы должна осуществляться эта помощь? Сегодня российские деньги перечисляются в форме кредитов правительствам государств СНГ с оговоркой о целевом использовании части (обычно крайне незначительной) этих средств на нужды русского населения.

И. А. Правительствам ни в коем случае эти средства не давать. Однако и русские общины, как я уже говорил, во многих случаях реально не представляют интересы всего русского населения. Поэтому, видимо, должна быть адресная помощь под конкретные программы: прежде всего на образование и профессиональную переподготовку, оказание медицинской помощи детям. Обязательно нужно поддерживать русские газеты. Приоритет должен отдаваться тем регионам, где есть крупные русские общины.

Есть достаточно мощные экономические рычаги давления на правительства этих государств с целью защиты интересов русского населения, однако нынешние российские власти не хотят и не будут решать этот вопрос.

В. Ф. Последний вопрос связан с демографической ситуацией в России. Какой должна быть в условиях депопуляции государственная демографическая политика?

И. А. Прежде всего она должна быть дифференцированной. Всю страну нужно разделить на регионы, и в тех из них, где особенно сильно падает рождаемость, вводить систему стимулирующих мер. Такие регионы должны объявляться зоной национального бедствия, и по каждому из них должны приниматься специальные программы. Эти программы могут включать, в частности, не прямые кредиты и дотации семьям, имеющим детей. Например, каждая семья имеет право получить кредит на строительство жилья. По мере того как в семье рождаются дети, определенные части этого кредита списываются. Размер пособий на детей следует резко увеличить, они должны быть сопоставимы с пенсиями. Дети — это будущее государства, поэтому затраты на них должны быть соответствующими. Очень важен и идеологический момент. В обществе должно быть сформировано понимание ценности семьи и детей. Нужно поставить заслон на пути той мутной волны пропаганды всевозможных извращений и разврата, которая буквально захлестнула средства массовой информации. Демографическая проблема — одна из важнейших, и решать ее нужно в первую очередь.

Август 1995 г.

ИНТЕРВЬЮ С ЛИДЕРОМ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ В. В. ЖИРИНОВСКИМ

В. Филиппов. Владимир Вольфович! Камнем преткновения в попытках политиков и ученых прийти к согласию в сфере национальной политики стал вопрос о принципах государственного устройства России. Унитаристы настаивают на едином административно-территориальном делении страны, федералисты требуют сохранить национальную государственность для бывших автономных образований в составе Российской Федерации. Какова позиция вашей партии по этому вопросу?

В. Жириновский. Позиция нашей партии такова: Россия как демократическая республика не должна иметь внутри никакого национально-государственного деления. Вопрос, я думаю, должен решаться на американский манер. Мы — россияне, мы — граждане одного государства вне зависимости от национальности. Мы должны сделать то, что не удалось коммунистам. Понятие «советский народ» было политическим. Нет Советов — нет советского народа. А понятие «россиянин» — географическое. Нам нужно этот момент отработать: ввести понятие «россияне». И Россия как республика государство — для всех. Поэтому для России нужно именно так: отменить государственное устройство по национальному признаку, перейти к губернскому, областному, краевому делению. Создать 40—50 губерний, в каждой по 3—4 млн. населения. И тогда национальная проблема будет у нас снята.

В. Ф. А как это сделать? Попытка такой реорганизации спровоцирует сопротивление национальных элит в республиках.

В. Ж. Это заблуждение. Сейчас никакого сопротивления не будет, если реформу осуществить в границах России. Вот, скажем, в рамках СНГ это сегодня сделать тяжело, а в рамках России?.. Что, Федоров будет шуметь в Чувашии? Насчет чего будет шуметь? Если чуваш будет знать, что права его ни в чем не ущемляются, а, наоборот, расширяются, что теперь он не гражданин Чувашской республики, а гражданин России, проживающий в Нижегородской губернии, и куда бы он ни поехал, у него всюду одинаковые права, что, в этом случае кто-нибудь станет возражать? Или, наоборот, он здесь, в Чувашии, будет бороться с русскими лет 50, пока в республике не останутся одни чуваша, а за пределами

Чувашии через час пути он уже враг — тут живут русские, которых он выгнал. Кому это надо? Тоже самое татары... Поэтому как раз не будет никакого сопротивления. Это делается указом: новое административное деление, укрупнение регионов. И этими укрупненными регионами будут поглощены национальные республики. Возьмите Хакасию или Красноярский край. Зачем? Красноярская губерния. И все. Или Краснодарская губерния — и никакой Адыгеи. Сегодня это можно сделать сравнительно легко. Лет через 50 будет сложнее.

Можно, конечно, действовать экономическими методами: создавать привилегии для тех регионов, где нет национального деления. Но это долго. Нужно, чтобы целое поколение подросло и поняло: вот мы живем здесь без национального деления — у нас лучше, чем там, где национальное деление сохраняется. Поэтому нужно решить эту проблему административным путем, но предварительно идеологическая обработка населения, конечно, нужна. Следует показать причину всех конфликтов, которые связаны с национальными предрассудками, проследить случаи дискриминации в учебе, получении образования, здравоохранения, продвижения по службе. И в том, и в другом случае показать: там киргиза обижает, там — татарина, эстонца, там — русского, там — якута. Надо людей психологически подготовить: мы же правовое государство, мы — гражданское общество, у нас права человека — каждому человеку.

В. Ф. Вы считаете, что большинство россиян одобрит идею воссоздания губерний?

В. Ж. Если мы как партия заявляем о будущей губернской реформе уже сейчас, то наша победа на выборах 17 декабря 1995 г. будет означать, что большинство россиян ее поддерживает. Поэтому мы будем опираться на позицию большинства. Я уверен, что это большинство будет иметь место и в национальных республиках.

Русские в Казахстане, когда голосовали за Назарбаева и за независимость Казахстана, просто не понимали, что это такое. Теперь поняли. Сейчас проведите выборы президента — изберут другого; проведите референдум о независимости Казахстана — ответ будет отрицательным. Как и на Украине, так и в Прибалтике. Людей обманули. Поэтому, если говорить правду заранее, я уверен, что большинство поддержит такой, бескровный, чисто административный уход от национального деления страны. Если все это объяснить нормальным доходчивым языком, заранее, за полгода, за год, то переход к новому административному делению будет абсолютно безобидным и не будет иметь никаких отрицательных последствий.

Самое главное — одновременно дать все права регионам, чтобы люди знали: вот вы, Чувашия или Башкирия, боролись за такие-то права. Так эти права теперь есть у Уфимской губернии. Они есть. То, чего вы хотели, есть. Центр отдаст все второстепенные вопросы губерниям. А в Москве, у центрального правительства, останутся только внешняя политика, оборона, транспорт, связь, энергетика, экология, финансы. Тогда все будут нормально себя чувствовать, понимая, что у каждого региона одинаковый набор прав.

В. Ф. Владимир Вольфович! В связи с этим, как вы относитесь к тому, что длительное время «национальные» республики отчисляли в федеральный бюджет значительно меньше средств, нежели области с русским населением?

В. Ж. Это дискриминация. Все должны выплачивать Центру одинаковые отчисления. Тогда никто не будет бояться, что кто-то кого-то кормит. Субъекты Федерации должны знать: вы платите от доходов региона определенный процент, соответствующий, допустим, численности населения. Общая для всех пропорция. Маленькая область, у нее и доходов мало, следовательно, налог будет сам по себе маленьким. Всем будет понятно, какую часть мы отдаем Центру, а какую оставляем себе.

То же самое с перераспределением собственности. Иной раз приватизация предприятий или получение земли идут в интересах «титულных» наций. Если нация дает название региону, то практически только она имеет там привилегии. Уже не только русские, но люди любых других национальностей превращаются в

людей второго сорта. Все это имеет конечным результатом конфликты, нарушение прав человека, войну, и ничего хорошего из этого не происходит.

В. Ф. А что вы думаете по поводу сложившейся традиции дотировать «национальные регионы»?

В. Ж. До сих пор было неправильное распределение богатств, когда дотации часто шли по национальному признаку. И даже сегодня из федерального бюджета дотаций на семью, например, идет больше на Северный Кавказ. Почему же Северному Кавказу? Там же тепло, климат лучше. Национальный признак при распределении дотаций не годится.

В. Ф. В последние годы все более отчетливо проявляется тенденция «коренизации» управленческого аппарата, кадрового состава науки, культуры, образования в бывших российских автономиях. Считаете ли вы этот процесс закономерным и оправданным или, напротив, полагаете, что это — проявление национальной дискриминации?

В. Ж. Разумеется, второе. Конечно, то, что сегодня идет попытка вытеснения русских из сферы управления, информации, культуры, образования, отовсюду, ни к чему хорошему не приведет. Мало того, что это создает конфликтную ситуацию. Но это еще и расточительно: ведь изгоняют, как правило, квалифицированных людей. На этом теряет вся страна. Когда увольняют специалиста по причине его несоответствия «пятому пункту» и ставят на должность человека «нужной» национальности, несмотря на то, что он не специалист и вообще малограмотный человек, мы все проигрываем, мы все теряем, включая и представителей «коренных» национальностей. Это нужно показать. Следует показать: когда главным врачом больницы назначают человека только потому, что он представитель местной национальности, плохо становится больным всех национальностей. Меня не интересует, кто по национальности летчик, который сидит за штурвалом, меня интересует, долечу ли я благополучно. Везде, во всех сферах это можно и нужно показать, тогда у людей будет отвращение к такому принципу подбора кадров. Я уже не говорю про льготы при поступлении в вузы, при получении жилья и т. д. Все это недопустимо.

В. Ф. Представители творческой национальной интеллигенции все настойчивее призывают своих «соплеменников» вернуться к исконным ценностям национальной традиционной, как правило, сельской, крестьянской культуры. Интересно узнать ваше мнение об этом явлении, получившем название «этнический романтизм».

В. Ж. Я не сторонник этнического романтизма. Нежелательно постоянно делать акцент на национально особенном: «У нас вот так пищу принимают, вот такую одежду носят, вот такие мы молодцы». Культивирование архаичности ничего хорошего не дает. Я не уверен, что найдется сейчас здравомыслящий человек, которому захочется носить национальный костюм. Это просто не годится для современной жизни, это неудобно. Если следовать этой логике, нужно законодательно ввести национальный, традиционный образ жизни, в пещеры уйти, сесть у костра и заняться идолопоклонством каким-нибудь... Это же все специально делается, чтобы людей оторвать от реальной жизни: пусть копаются в прошлом и поменьше думают о настоящем. Это все для музея хорошо. Но это не должно быть частью нашей жизни, а тем более государственной политики.

Вы не подумайте, что я хочу заняться искоренением национальных традиций. Нет! Если есть, например, гражданин, который не хочет жить в доме, а хочет жить в чуме, — пожалуйста. Пусть идет в тундру и живет в чуме. Здесь не должно быть запретов. Можете в масках ходить, можете есть из одного чана. Или, может, у вас к коллективному браку есть охота, — если это не нарушает общественной морали и не связано с насилием, — это ваше дело, ваш образ жизни. Но если это кому-то не нравится, вы не имеете права принуждать. Если девушка хочет идти в загс, пусть идет, не тащите ее к шаману. Это все должно быть добровольно. Главный принцип — добровольность. Частным лицам разрешено все, что касается удов-

летворения их национальных интересов, но это не забота государства. И государство не обязано это финансировать.

В. Ф. Один из самых деликатных вопросов национальной политики — вопрос о государственном языке или о государственных языках. Каково ваше суждение по этому поводу?

В. Ж. Естественно, в едином государстве может и должен быть только единый государственный язык. Все должно опираться на добровольное волеизъявление. Я уверен, что абсолютное большинство граждан выберут единый язык, а в культуре некоторые национальные различия будут постепенно сходить на нет. Конечно, если хотите, можете друг с другом говорить на своем национальном языке, нет проблем. Но вы не можете заставить местную общину собрать деньги и построить вам национальную школу, если вас 5 человек, а проживает в селе 105 жителей иной национальности. Зачем учить детей, допустим, на языке хантов, манси, якутском языке, когда все понимают, что дальше этот язык нигде не найдет применения, если в деловой сфере он практически не употребляется.

Но если где-то представители какого-либо этноса захотят издавать газету на ином, нежели государственный, языке, открыть школу с преподаванием на таком языке или, скажем, организовать телепередачу, и у них на это есть средства и есть слушатели, потребители этой национальной культурной продукции, делайте! Но если не будет потребителя, готового оплачивать подобные мероприятия, у вас и не будет ничего. Нельзя забирать деньги из бюджета и тратить впустую. Для того чтобы в пустом зале сидели два зрителя, мы будем содержать целый театральный коллектив?

Я жил в Казахстане много лет. Казахи не хотели читать газеты на казахском языке, они читали на русском, но навязывали им непременно казахскую прессу. И часто в киосках эти газеты на казахском просто не раскупались. Или радио. Сами казахи выключали приемник, когда шли передачи на казахском, они предпочитали программы на русском языке. Поэтому если будем навязывать употребление национальных языков в качестве государственных, то спровоцируем возникновение еще одной трудноразрешимой проблемы. Я уверен, что большинство граждан любой национальности выберут русскую культуру, русский язык, потому что культура едина. Нет такой культуры, чтобы она была антикультурой.

В. Ф. Мне кажется, в последние годы все более явными становятся попытки огосударствления Русской православной церкви.

Приветствуете ли вы превращение православия в официальную религию России?

В. Ж. Проблемы государственной религии не должно быть. Не надо создавать фетиш. Если поощрять православие в Москве, в Казани будут поощрять ислам и т. д. Зачем провоцировать людей еще и на религиозной основе? Согласитесь, в прежние годы атеизм у нас был добровольный. Большинство из нас были атеистами, и это вовсе не означало, что нас принуждали к атеизму. Был, конечно, соответствующий предмет в гуманитарных вузах, но в целом, в повседневной жизни нас к безбожию не принуждали. Так и теперь не надо «вводить» религию «сверху». Если мы заставим ввести Закон божий в программы школ, то о какой свободе вероисповедания может идти речь? Это уже переход религии на государственные рельсы.

Например, вопрос о строительстве храмов. Это ведь тоже так или иначе связано с национальностью. Скажем, вас пять мусульман, вы хотите иметь мечеть. Стройте, но государство не должно иметь к этому никакого отношения. Хотите совершить хадж в Мекку или Медину? Пожалуйста, за свои деньги, сели в самолет Аэрофлота, полетели в Медину. Посещайте святые места, но это не должно превращаться в государственную политику. Мы не должны тратить деньги на удовлетворение национальных или религиозных чувств. У нас государство — Россия, и им «обслуживаются» общегосударственные интересы.

В. Ф. Владимир Вольфович, может быть, институт национально-культурной

автономии — это есть выход из наших этнополитических тупиков? Может быть, на смену национально-территориальной автономии должна прийти автономия культурная?

В. Ж. Я уже говорил о том, что не должно быть национальных республик. Не стоит поощрять и институт национально-культурной автономии, потому что эта культурная автономия в перспективе все равно превратится в государственную автономию. Если мы акцентируем внимание на развитии национального языка, культуры, то как дальше запретить развиваться национальной группировке? Мы же не можем ограничить: вот культурная автономия — да, а вот если вы захотите создать свои органы управления, то это уже, мол, другая сфера.

В. Ф. Есть ли у ЛДПР своя концепция преодоления демографического кризиса в России? Что делать с депопуляцией целого ряда российских этносов, в том числе русского?

В. Ж. Депопуляция в России, концепция преодоления демографического кризиса — все это связано с экономикой. А если экономика будет здоровой, если не будем тратить деньги на различные политические авантюры, в том числе связанные с национальной или религиозной принадлежностью граждан, тогда и рожать женщины будут. Нам, дай Бог, оздоровить экономику как таковую. Но если мы бюджет будем разбрасывать еще по национальным статьям, то мы ничего не сделаем.

В. Ф. Спасибо, Владимир Вольфович, за пространное интервью.

В. Ж. Всего доброго.

Май 1995 г.

Political leaders speak about the nationalities question

Russia's nationalities policy is the issue that is being eagerly discussed by both political figures and state officials and mass media. The interviews on this issue with I. V. Artemov, President of the Board of the Russian All-Nation Union and the Liberal-Democratic Party leader V. V. Zhirinovskiy are published.